

История

УДК 34(091)

Т.П. Стрельцова

ВЛАСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ В АМУРСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1946-1964 гг.)

В статье предпринята попытка выявить взаимосвязь государственной аграрной политики и правовой политики борьбы с преступностью в 1946-1964 гг. (на примере амурской деревни).

Ключевые слова: правовая политика, уголовно-правовые репрессии, сельская преступность, уголовные правонарушения, законность и правопорядок, правосознание, правоохранительные органы, социалистическое правосудие.

AUTHORITIES AND CRIMINALS IN THE VILLAGES OF THE AMUR REGION (1946-1964)

The article deals with the problem of connection between the policy pursued by the Soviet government in the agricultural sector and policy of law aimed at fighting crime in 1946 – 1964 (the case study is villages of the Amur Region).

Key words: policy of law, penal repressions, rural law, crime, legitimacy and rule of law, juridical awareness, law-enforcement agencies, socialist justice.

После окончания Великой Отечественной войны советская власть вынуждена была усилить борьбу с преступностью, рост которой отмечался как среди городского, так и сельского населения на всей территории страны, включая отдаленные районы Дальнего Востока. Амурская деревня за годы войны пришла в запустение. Мобилизации людей и техники на фронт подорвали ее трудовые и технические ресурсы. Повышенные государственные поставки хлеба и другого продовольствия, высокие налоги с личных подсобных хозяйств привели к упадку колхозов, ЛПХ и обеднению тех, кто в них работал. Восстанавливать деревню после войны предстояло женщинам, старикам и детям. Многие мужчины после демобилизации из армии устраивались на работу в городах, так как в деревне оплата труда по-прежнему была крайне низкой – по количеству выработанных трудодней, к тому же в натуральной форме. Однако бедность деревенской жизни, полуголодное существование сельского населения были не единственной причиной роста послевоенной преступности. Следует учесть и то обстоятельство, что после войны изменился сам подход к пониманию преступности. Теперь в категорию преступников зачислялись и те, кто совершал мелкие правонарушения, дисциплинарные и административные проступки. Власть «закручивала гайки», пытаясь ужесточением законов держать сельское население в страхе. Политика уголовно-правовых репрессий для власти была необходима, она являлась инструментом принуждения крестьян к почти бесплатному труду в общественном хозяйстве, безвозмездному изъятию произведенного продукта, а в конечном итоге – перекачиванию средств из деревни в город для быстрого восстановления промышленности. Но ужесточение законодательства, о чем свидетельствовали Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) 1946 г. «О мерах

по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», Постановления от 27 июля и от 25 октября 1946 г. «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания», «Об обеспечении сохранности государственного хлеба», Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и др., направленные на защиту и сохранение государственной собственности. Но все это не привело к уменьшению разбазаривания колхозной собственности, воровства и других видов хозяйственных преступлений. Не становилось меньше и особо опасных уголовных преступлений. Многие сельские жители, обладающие трезвым, критическим умом, остро ощущали отсталость деревни, трудности деревенской жизни, ее отличия от жизни городской и осознавали несправедливость такого положения. Понимание несправедливости и безысходности деревенской жизни в сознании более мыслящей и активной части населения порождало социальный протест не только в форме саботажа общественных работ, но и противозаконных действий [1].

Прежде всего власть столкнулась с деревенским противостоянием в лице той категории сельских жителей, которая вообще отличалась низким правосознанием или отсутствием такового. В то же время на сознание определенной части населения влияние социалистической идеологии и пропаганды оказалось малоэффективным. Они оставались дезориентированными в части идеалов и нравственных ориентиров. Разрушив коллективизацией сельского хозяйства личную трудовую мотивацию, запретив сельскому труженику исповедовать религию, власть посеяла в его душе пустоту, не успев заполнить ее другим идеалом общественного устройства – «прекрасного коммунистического будущего». Состояние духовной опустошенности и безнадежности приводило к правовому нигилизму, к безответственному поведению в отношении соблюдения предписанных обществом и властью нравственных правил и правовых норм, а нередко и к умышленному нарушению их. Следует заметить, что даже обстоятельства войны, в целом способствовавшие подъему национального духа и патриотизма советского народа, перековать сознание мелкого частного собственника, каким являлось единоличное крестьянство, не смогли. Хотя в амурской деревне, например, после войны единоличные крестьяне составляли всего 0,4 тыс. человек [2]. Нельзя забывать и того, что в послевоенные годы на территории Амурской области, преимущественно в ее северных районах, размещался «спецконтингент», состоящий из ссыльных кулаков, военнопленных, власовцев, оуновцев, депортированных латышей, литовцев и эстонцев. Эти и другие спецпоселенцы работали не только на промышленных предприятиях, в строительстве и на лесозаготовках, но и в сельском хозяйстве, в его самой тяжелой отрасли – животноводстве.

Этот контингент населения, имея непростые отношения с властью, являлся неблагонадежным не только с политической, но и с правовой точки зрения. В его сознании социалистический закон и правопорядок, лишив его свободы и политических прав, был несправедлив.

Всплеску преступности после войны способствовало и возобновление планового переселения в Амурскую область. С 1948 г. на Дальний Восток стали прибывать переселенцы из центрально-европейской части СССР. Многие из них не имели опыта работы в сельском хозяйстве, не представляли тех трудностей, с которыми им пришлось столкнуться на Дальнем Востоке. К тому же ехали сюда далеко не самые лучшие по своим моральным и деловым качествам люди, зачастую те, кто не хотел работать на родине. Среди них были не только туляки, но и те, кто в прежних местах проживания имели проблемы с соблюдением законов и привлекались к ответственности за правонарушения [3].

Непростая ситуация, связанная с послевоенным состоянием сельского населения, являлась крайне неблагоприятной для управления деревней. Столкнувшись с саботажем общественных работ,

низкой трудовой дисциплиной, расхищением и разбазариванием общественного имущества, ну и, наконец, элементарной халатностью и беспорядком, административные и правоохранительные органы, не углубляясь в разбирательство и в выяснение причин и мотивов такого поведения, стали широко использовать меры уголовного наказания. Теперь административные, материальные и дисциплинарные меры наказания (повышение норм выработки трудодней, штрафы, исключение из колхозов), хотя и продолжали применяться, отошли на второй план, уступив место уголовному наказанию. Такой крайне жесткий подход к искоренению сельской преступности в какой-то мере себя оправдывал. Статистические материалы партийных органов, областного, районных судов, органов прокуратуры свидетельствуют о масштабности послевоенной преступности в амурской деревне. В итоговом отчете Хабаровского крайисполкома, представленного в 1947 г. в Совет по делам колхозов, отмечалось, что в целом по Хабаровскому краю, включая Амурскую область (до 1948 г. она входила в состав края), в результате работы по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» только в 1946-1947 гг. за расхищение и разбазаривание колхозной собственности привлечено к ответственности 60 человек, из них осуждено 20 [4].

В последующие годы кампания наведения порядка в деревне в связи с исполнением названного Постановления приобрела еще больший размах. Число осужденных за нарушение Устава сельхозартели увеличивалось вплоть до середины 1950-х гг. – до тех пор, пока не начался пересмотр этого документа. Впервые в послевоенные годы уголовно-правовые репрессии применялись и к тем колхозникам, кто не выполнял лесозаготовительную и дорожную трудгужповинность. Исполком Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся и бюро крайкома ВКП (б), в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) 12 мая 1945 г., поручил краевому прокурору т. Черных виновных в отказе и уклонении от мобилизации привлечь к уголовной ответственности, а председателям сельских Советов и прорабам дорожно-строительных участков на самовольно ушедших колхозников налагать штрафы, с последующим списанием трудодней с заработка виновных [5].

Но самыми массовыми оказались послевоенные репрессии, связанные с исполнением «Закона о пяти колосках», Постановлений Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 27 июля и от 25 октября 1946 г. «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания», «Об обеспечении сохранности государственного хлеба», Указа Президиума Верховного Совета СССР 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». В них партийно-хозяйственным и правоохранительным органам давалась установка на широкое применение мер уголовного наказания к расхитителям государственного и общественного имущества. В Указе Президиума Верховного Совета СССР содержались конкретные меры наказания: за кражу или растрату государственного имущества – от 7 до 25 лет лагерей, за кражу колхозного или кооперативного имущества – от 5 до 12 лет лагерей. Но при этом сроки лишения свободы не зависели от размеров хищений. Такое несовершенство законодательства порождало произвол со стороны местных правоохранительных органов. В результате случаи применения суровых мер наказания за преступления, причиняющие мелкий ущерб, были частым явлением в деятельности районных и областного суда. Так, комбайнер колхоза «Память Ильича» Михайловского района Д. Ф. Горбань за кражу 1 кг сои был приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей, рядовой колхозник Н.А. Морев за то, что с колхозного поля украл 2 кг семечек, был приговорен Куйбышевским нарсудом к 2 годам лишения свободы, 28 февраля 1947 г. Тамбовский народный суд осудил колхозниц Кочкину и Шин за кражу семечек с поля, на котором уборка подсолнуха была завершена и осуществлялся выпас скота, приговорив каждую к 1 году лишения свободы [6]. Судами не брались во внимание не только размер нанесенного ущерба, но и другие юридические факты: обстановка, в которой совершались правонаруше-

ния, мотивы, личностные характеристики обвиняемых, отсутствие судимости в прошлом, признание вины и раскаяние в совершенном преступлении. В Амурской области областной суд в 1946-1947 гг. рассматривал много дел, возникающих в период уборочной кампании и заготовок. С формулировкой «злоупотребление служебным положением» (эти нарушения в подавляющем большинстве были связаны с растратами и хищениями) в 1946 г. было осуждено 573 человека, из них приговорено к исправительно-трудовым работам 39%, к лишению свободы до 2 лет – 21%. По статье 19 УК за расхищение колхозной пшеницы к уголовной ответственности было привлечено 11 руководителей МТС, совхозов и колхозов [7]. В 1947 г. органами МВД Хабаровского края за расхищение колхозного имущества было привлечено к уголовной ответственности 3287 человек, с формулировкой «за умышленную задержку хлебосдачи государству, незаконное расходование и порчу колхозного зерна» – 6 председателей колхозов [8]. В прокуратуру поступали сигналы о хищениях не только продукции растениеводства, семенного материала, но и о хищениях свиней, овец, крупного рогатого скота, краж горючесмазочных материалов и другой колхозной собственности. Расхитителями колхозного имущества являлись лица, принадлежащие к разным социальным группам сельского населения, – руководители колхозов и совхозов, бригадиры, звеньевые, рядовые колхозники, рабочие совхозов, крестьяне-единоличники. Стихия воровства и разбазаривания общественного имущества коснулась и сельской интеллигенции.

Новая кампания борьбы с деревенской преступностью началась в 1948 г., в связи с выходом Указа Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», по которому невыработка минимума трудодней каралась 8 годами ссылки. В Амурской области в первом квартале 1948 г. из 2747 трудоспособных колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней, 67 были выселены из колхозов, 13 осуждены. В 1951 г. за невыполнение норм выработки трудодней осуждено 78 колхозников. В последующие годы, вплоть до середины 1950-х гг., число осужденных по этому указу увеличивалось [9]. К тому же в Амурскую область по данному указу высылали колхозников с территорий европейской части СССР. Неслучайно в первые послевоенные годы в Амурской области наибольший рост преступности отмечался в ее северных районах – Селемджинском, Мазановском, Зейском, где находились заключенные и спецпоселенцы. Они совершали не только преступления, наиболее распространенные в послевоенное время (направленные против собственности, общественного порядка, жизни, половые), но и особо опасные для власти – антисоветские. Многие из них, отбывая трудовую повинность в совхозах Бамлага, колонпоселках и сельскохозяйственных спецартелях, распространяли враждебные слухи, вели антисоветскую агитацию среди колхозников. За деятельность, направленную на подрыв советской государственности, эти заключенные и спецпоселенцы получали повторные сроки наказания по ст.58-10 Ч.1 УК за «контрреволюционные преступления», с лишением свободы до 10 лет и более.

По данным спецотдела прокуратуры Амурской области, случаев дел по категории «контрреволюционные преступления» было по 1-3 в год [10]. Справедливости ради следует отметить, что не все осужденные были ярыми врагами советской власти, многие из них привлекались к уголовной ответственности без достаточных к тому оснований или по сфабрикованным показаниям. Как и в довоенные 30-е гг., правоохранительными органами фальсификация дел широко применялась не только в случаях борьбы с политической преступностью, но и в случаях обвинений руководителей колхозов и рядовых колхозников в различного рода нарушениях законности и правопорядка.

Борясь с преступностью, власть допускала явные перегибы: уголовные меры наказания были возведены в ранг карательной репрессии в отношении всего сельского населения. Масштабы преступности в отчетах партийных органов власти, органов суда и прокуратуры зачастую преувеличивались. А мотивы голода и бедности, толкающие полуголодных людей к расхищению и воровству, бы-

товое хулиганство, иногда и стремление колхозного руководства помочь голодным жителям-односельчанам продуктами из колхозных фондов возводились в степень противостояния с властью, этим противоправным действиям сельского населения приписывался определенный политический смысл. Поэтому борьба с этим «врагом» возлагалась не только на правоохранные, но и на партийные и на советские органы, возрождались методы «массового осуждения» со стороны общественности и практика «чрезвычайных троек», широко распространенная в стране в период репрессий 1930-х гг.

К правонарушениям, получившим политическое звучание, стали применяться не только правовые, но и политические методы борьбы, а чаще всего – одновременно. Так, прокурором Серышевского района в докладе от 3 сентября 1947 г. о работе по исполнению приказа Генерального прокурора СССР № 191 (О работе органов прокуратуры в период уборки и хлебозаготовок) сообщалось, что по рекомендации секретаря Амурского обкома ВКП (б) т. Колобова была создана «чрезвычайная тройка» в составе прокурора, секретаря РК ВКП (б) и заместителя председателя райисполкома. Уполномоченные «чрезвычайной тройки» в любое время суток приезжали в колхоз, сразу проводили совещание членов правления и сельского исполкома, где учиняли допросы колхозных управленцев и рядовых колхозников, произнося угрожающие речи, обвиняя их в срывах плановых заданий уборки урожая и заготовки сельскохозяйственной продукции, в саботаже общественных работ и нарушении трудовой дисциплины. Затем «дела» фальсифицировали и передавали в суд, пытаясь снять с себя и переложить ответственность за провал выполнения государственных планов на колхозное руководство и рядовых колхозников. В отдельных районах области такие «тройки» создавались для принятия экстренных мер по наведению порядка в животноводстве. Так, 19 ноября 1948 г. бюро РК ВКП (б) Михайловского района приняло постановление, в котором обязало партгруппу исполкома для решительной и оперативной борьбы с фактами падежа и разбазаривания скота создать «специальную тройку» [11]. Произвол и нарушение законности органами областной и районной власти выражались не только во вмешательстве в дела колхозных администраций, но и в деятельности правоохранительных органов, давлении на них для осуществления фальсификаций дел зачастую неповинных граждан, их необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Таким образом, правовой механизм регулирования колхозной жизни, разрабатываемый государственными органами власти на протяжении 1930-х – первой половины 1950-х гг., был направлен на социально-экономическую и правовую дискриминацию деревенского населения, ограничение его прав и жесткое предписание обязанностей, на широкое применение к сельским труженикам в случае нарушения ими общественного порядка мер уголовного наказания, включая методы фальсификации дел. Такой правовой механизм позволял власти принуждать деревенское население к низкооплачиваемому труду в общественном хозяйстве и присваивать его результаты для решения задач послевоенного восстановления народного хозяйства, приоритетного развития промышленности с целью завершения индустриализации.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в связи с восстановлением сельского хозяйства и промышленности, завершением индустриализации аграрный курс государства и его правовое обеспечение стали претерпевать изменения. К тому времени деревня выполнила свое донорское предназначение (перекачивание средств в город для развития промышленности). Вследствие этого необходимость в применении методов репрессий в отношении сельского населения стала утрачиваться. Постепенно они стали уступать место новым подходам и методам в решении проблем аграрного развития. Изменение отношения к сельскому хозяйству после смены сталинского руководства, появление новых возможностей для его развития – все это в конечном итоге привело к обновлению государственной аграрной политики, смещению акцентов в решении задач, среди которых главной становилась задача преодоления отсталости сельского хозяйства.

Власть, осознавая, что решить эту задачу без установления новых взаимоотношений с деревенским населением нельзя, во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. предпринимает действия к смягчению отношений с сельским тружеником, восстанавливает его правовое положение, гарантирует соблюдение его личных, социальных и политических прав, дает ему экономические послабления. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. принимается целый ряд партийно-хозяйственных документов, где обосновывается новый аграрный курс государства, включая его правовую составляющую – правовые отношения власти с деревенским населением. Это находит отражение в решениях XXI, XXII съездов КПСС (1959 и 1961 гг.), в Постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Начавшиеся после разоблачения культа личности Сталина процессы восстановления законности и правопорядка сопровождалась изменением государственной правовой политики, улучшением деятельности правоохранительных органов и органов правосудия в борьбе с преступностью. Новая правовая концепция была обоснована в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., в Уголовно-процессуальном кодексе 1960 г., УПК других союзных республик, а также в Постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» от 3 марта 1959 г., «О практике применения судами мер уголовного наказания» от 19 июня 1959 г., «О мерах по усилению борьбы с проявлениями преступности в отдельных районах и городах» от 16 августа 1961 г., «О мерах по улучшению деятельности советской милиции» от 17 августа 1962 г., а также в приказах Генерального прокурора СССР «О мерах по усилению прокурорского надзора за соблюдением советских законов» и др. [12]. В них провозглашалась задача охраны интересов и прав личности в социалистическом обществе, делался акцент на смягчении мер судебных наказаний, сокращении сроков судимости, применении в отношении преступлений малой тяжести условного наказания. Появляется и еще более мягкая мера наказания – передача правонарушителя на перевоспитание в трудовые коллективы. Сутью новой правовой концепции борьбы с преступностью становится постепенный отказ от судебных репрессий, переход к дифференцированному определению мер наказания, к предупредительно-профилактической работе правоохранительных органов, основанной на мерах воспитательного характера, широкое привлечение общественности к борьбе с правонарушениями, пропаганде советских законов среди населения.

В деревне для наведения порядка из числа рядовых ее жителей стали формировать отряды дружинников, многие селяне становились внештатными работниками милиции, членами группы действия партгосконтролю, штатов «Комсомольского прожектора», из них создавались контрольные посты и оперативные группы во время уборки урожая. В практику вошло создание сельских товарищеских судов и передача правонарушителей на перевоспитание в сельские трудовые коллективы. В этих случаях коллективы брали правонарушителей на поруки и несли ответственность за их перевоспитание [13]. Претерпела изменения и деятельность судов. Теперь судебные процессы стали осуществляться открыто, с участием общественных защитников и общественных обвинителей. В практику вошло обсуждение приговоров в коллективах трудящихся, народные судьи стали чаще отчитываться о своей работе перед избирателями. Однако, несмотря на все нововведения, карательная политика государства в отношении деревенского населения не исчезла совсем. На протяжении 1960-х гг. происходило чередование либеральных послаблений в отношениях с жителями деревни и применение откровенно карательной политики, в особенности в периоды роста уголовной преступности и массового расхищения в деревне «общественного добра» [14]. К сожалению, несмотря на все усилия власти, преступность в деревне не снижалась. Преодолев с помощью репрессивных мер конфликтность с деревенским населением, в новых условиях властные структуры столкнулись с нарастающей поведенческой деградацией селян. Послевоенное восстановление сельского хозяйства завершилось, но жить в деревне не стало легче. Сохранялась разница в уровнях жизни городского и сельского населе-

ния. Введенная в сельском хозяйстве денежная оплата труда была низкой, политика в отношении развития личных подсобных хозяйств продолжала оставаться нестабильной, социально-бытовая инфраструктура деревни развивалась медленно, сельский быт оставался неустроенным, а труд, несмотря на отказ от принудительных мер, – тяжелым, требующим больших физических затрат. Ожидание лучшей жизни, появившееся у селян после окончания войны, к концу 1950-х гг. окончательно превратилось в иллюзию [15]. В первые послевоенные годы люди были готовы «затянуть пояса» и потерпеть, понимая, что благодаря их труду можно преодолеть послевоенное разорение, что именно они чрезвычайным напряжением сил должны восстановить разрушенную экономику и создать условия для более благоприятной жизни в недалеком будущем. Но когда этот более благоприятный период наступил: было восстановлено народное хозяйство, укрепилась экономика страны, окрепли многие колхозы и совхозы, у жителей деревни наступило полное разочарование в своих ожиданиях: реальная жизнь селян менялась к лучшему слишком медленно, значительно медленнее, чем жизнь городская. Настроения разочарования способствовали формированию у значительной части селян не только конформистского, но маргинального поведения, для которого характерно пограничное состояние между соблюдением права и противоправными действиями. У селян появлялось желание защитить свои жизненные интересы любым способом. В этом случае только страх перед угрозой неотвратимости наказания мог удерживать человека от противоправных действий. Формированию противоправного поведения способствовали социальная несправедливость (паспорта и пенсии у колхозников появились лишь к концу периода «оттепели»), обезличивание труженика сельского хозяйства, отчужденность его от колхозной собственности; в результате в его сознании формировалось отношение к общественной собственности как к ничейной, бесхозной, которую можно использовать в личных целях, нарастало несогласие с принципами распределения материальных благ. Человек, лишенный личной собственности и отчужденный от общественной, терял себя как индивид, как личность, что приводило к его нравственной и правовой деградации.

О нарастающей поведенческой деградации селян свидетельствуют отчеты органов суда и прокуратуры, из которых следует, что во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. при общей тенденции снижения преступности сельского населения по сравнению с послевоенными годами на первое место выходят такие виды правонарушений как хулиганство, бытовая, половая преступность. Следует заметить, что росту этих категорий преступлений в Амурской области способствовало и все более нарастающее переселение сюда зачастую не самого лучшего населения центральноевропейских районов страны, а также в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими паразитический образ жизни» выселение в Амурскую область тунеядцев из Ивановской, Владимирской областей и Чечено-Ингушской АССР. В соответствии с потребностями в трудовых ресурсах они направлялись на работу в леспромхозы и в сельское хозяйство [16]. Этот контингент населения, не отличающийся трудолюбием, добывал себе средства проживания разными способами, в том числе запрещенными законом. Руководство области проявляло сильную озабоченность ростом преступности и правонарушений в местах поселения тунеядцев. К 1 декабря 1964 г. в Приамурье из указанных областей прибыло 957 тунеядцев, из них 120 человек были привлечены к уголовной ответственности и почти все наказаны в административном порядке [17].

Рост преступности отмечался и среди тех, кто привлекался на сельскохозяйственные работы из соседних краев и областей, а также из числа горожан в периоды уборки урожая. Статистические материалы областной прокуратуры свидетельствуют, что, несмотря на значительные усилия, правоохранительным органам удалось переломить тенденцию роста преступности в области лишь в середине 1960-х гг. К тому же следует заметить, что снижения роста преступности удалось достигнуть не во всех районах области и не по всем видам преступлений. Уменьшилось число умышленных

убийств, тяжких телесных повреждений, разбойных нападений с целью завладения личной собственностью граждан, грабежей, хулиганства. Вследствие начавшегося процесса реабилитации политических заключенных сокращается число преступлений по мотивам контрреволюционной (политической) деятельности. Комиссией Президиума Верховного Совета СССР по Хабаровскому и Амурскому управлению ИТЛК, работавшей в 1956 г. непосредственно в местах заключения, были составлены представления на 1372 политических заключенных (из них на 112 колхозников и на 15 единоличников), в результате были освобождены 789 человек, в том числе как необоснованно осужденные – 64 и по несоразмерности меры наказания – 198. Из 340 националистов освобождено 204, в том числе как необоснованно осужденных – 12, по несоразмерности меры наказания – 68. Из 330 военнопленных освобождено 70, в том числе как необоснованно осужденных – 3, по несоразмерности меры наказания – 12 [18].

В 1956-1958 гг. процессы реабилитации коснулись не только политических заключенных, но и других категорий осужденных. В соответствии с исполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1954 г. «О порядке рассмотрения жалоб и заявлений от лиц, отбывающих наказание по решениям бывшей коллегии ОГПУ, троек НКВД – УНКВД «Особого совещания при НКВД-МГБ и МВД СССР» только в 1958г. было пересмотрено 467 дел, в том числе признаны необоснованно арестованными и осужденными 316 колхозников, 44 спецпоселенца и 6 единоличников [19]. В ходе реабилитации репрессированных вскрывались грубейшие нарушения норм уголовно-процессуального закона и восстанавливалась законность. Но у этого процесса была и «обратная сторона медали»: комиссии Президиума Верховного Совета СССР работали в местах заключения быстро, в отведенные сроки, поэтому времени детально разобраться во всех делах не было, к тому же реабилитация репрессированных приобрела характер политической кампании, отсюда становится понятным и особо либеральный подход к пересмотру дел, включение в их состав и дел чисто уголовных. В результате на свободу выходили не только необоснованно осужденные, но и осужденные несоразмерными мерами наказания, а среди них – нередко и опасные уголовные преступники. Допускалось внесение в суды представлений об условно-досрочном освобождении лиц, не вставших на путь исправления. В 1960 г. проверкой областной прокуратуры было установлено, что из числа досрочно освобожденных из мест лишения свободы 47 человек (1,3%) вновь совершили преступления, были осуждены и возвратились в колонии [20].

После демонтажа лагерной системы отмечался рост повторной преступности и особо опасных преступлений, за исключением убийств. Оставались высокими показатели преступности по растратам и хищениям, разбазариванию колхозного имущества, халатному отношению к сохранности общественного животноводства, по нарушению закона о землепользовании, краж личной собственности граждан, автомобильных аварий со смертельным исходом, преступлений, связанных с нарушением техники безопасности и охраны труда.

Росла преступность среди несовершеннолетних. Следует заметить, что 50% осужденных судами совершали преступления в состоянии опьянения, 34% ранее имели судимость, большинство из них нигде не работали и были малообразованными [21].

Неоднозначность складывающейся ситуации борьбы с преступностью во многом являлась следствием недостатков в деятельности правоохранительных органов. Некоторые прокуроры и народные судьи неправильно понимали указания партии и правительства, указы Генерального прокурора СССР и постановления Пленума Верховного суда СССР о роли общественности в борьбе с преступностью и более широкого применения мер наказаний, не связанных с лишением свободы. Пытаясь снять с себя ответственность за либерализацию мер наказания, они ослабляли борьбу с особо опасными преступлениями, расширительно применяли ст. 38 Основ уголовного законодательства СССР. В эти годы со стороны прокуратуры отмечался ненадлежащий надзор за соблюдением Устава

сельскохозяйственной артели, законов о сельском хозяйстве, слабый надзор за демократическими основами управления делами сельхозартелей, законностью решений местных органов управления [22]. Реализуя установку «верхов» на устранение нарушений законности и правопорядка, народные суды и правоохранительные органы допускали серьезные недостатки и перегибы – такие как мягкость наказания за опасные преступления, широкое применение мер наказания, не связанных с лишением свободы по менее опасным преступлениям, отказы в возбуждении уголовных дел при наличии малой опасности преступления, неосновательное вынесение оправдательных приговоров, необоснованное возвращение дел на доследование, передача на поруки коллективов лиц ранее судимых за умышленные преступления, а также лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы или совершивших тяжкие преступления, сокращение сроков следствия и др. [23]. Так, в 1960 г. к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, было осуждено 35% расхитителей государственного и общественного имущества, 38% воров, 11% разбойников, 5 убийц, 43% совершивших тяжкие телесные повреждения, 12% насильников, 48% хулиганов [24]. Следует заметить, что приемы и методы, применяемые правоохранительными органами в борьбе с преступностью, не всегда оказывались эффективными. Так, неоднозначный результат давало широкое привлечение общественности к борьбе с преступностью. В целом оно, конечно, способствовало предотвращению многих преступлений и повышению раскрываемости преступлений, но в то же время оказывало негативное влияние на деятельность судов и правоохранительных органов, поскольку народные заседатели нередко занимали мягкую позицию по отношению к осужденным. Трудовые коллективы, бравшие на поруки правонарушителей, зачастую занимали примиренческую позицию к поведению тех, кого предстояло перевоспитать. Некоторые руководители хозяйств покрывали воров и расхитителей общественного имущества.

Таким образом, властным структурам, несмотря на все усилия, лишь в первой половине 1960-х гг. удалось переломить тенденцию роста сельской преступности, повысить раскрываемость преступлений, уменьшить число судебных ошибок, улучшить основы уголовного судопроизводства. Но несмотря на эти позитивные сдвиги, результаты борьбы с нарушителями законности и правопорядка в амурской деревне оказались противоречивыми. В конечном итоге к старым проблемам искоренения преступности в Амурской области, не до конца разрешенным в период 1950-х – первой половине 1960-х гг., прибавлялись новые, не менее сложные, связанные с издержками формирования правосознания сельских тружеников в последующий период строительства социализма в 1970-е – 1980-е гг. На этапе строительства «развитого социализма» перед правоохранительными органами была поставлена задача усиления борьбы с преступностью до полного ее искоренения. Решение этой непростой задачи требовало совершенствования уголовной политики, повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и совершенствования судебной системы.

---

1. Безнин, М.А., Димони, Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (втор. пол. 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история, 1999. – С. 86.

2. ГААО. Ф. 480. Оп. 7. Д. 647. Л. 80.

3. ГААО. Ф. 480. Оп. 7. Д. 647. Л. 188-209.

4. РГАЭ, Ф. 947. Оп. 1. Д. 800. Л. 172-173.

5. ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 250. Л. 169.

6. Статистические карточки на осужденных районными судами Амурской области за 1939-1950 гг. Фонды Амурского областного музея.

7. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 17. Д. 102. Л. 60.

8. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 17. Д. 102. Л. 31.

9. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 1298. Л. 118-119.

10. ГААО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 68. Л. 53.

11. ГААО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 97. Л. 76.
12. ГААО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 86. Л. 56.
13. ГААО. Ф. 947. Оп. 1/С. Д. 42. Л. 22-26.
14. ГААО. Ф. 759. Оп. 5. Д. 206. Л. 121.
15. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 гг. – М., 2000.
16. ГААО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 86. Л. 74.
17. ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 2166. Л. 110.
18. ГААО. Ф. 759. Оп. 5. Д. 137. Л. 1-4.
19. ГААО. Ф. 759. Оп. 5. Д. 205. Л. 30.
20. ГААО. Ф. 759. Оп. 5. Д. 216. Л. 96.
21. ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 219. Л. 53-56; Ф. 759. Оп. 5. Д. 206. Л. 112.
22. ГААО. Ф. 759. Оп. 5. Д. 222. Л. 1-6.
23. ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 2174. Л. 78; Ф. 947. Оп. 1/с. Д. 42. Л. 22-24.
24. ГААО. Ф. 947. Оп. 1/с. Д. 41. Л. 32.